

Известия - 1998 -

Алексей ФИЛИППОВ

9 июля -
с. 7

Семнадцать лет спустя

Последний раз Театр имени Леси Украинки гастролировал в Москве семнадцать лет назад. Теперь он приехал к нам в ином качестве — как национальный академический театр независимого государства. А публика, толпившаяся у входа в Малый театр, в значительной степени осталась той же самой. В Театр Леси Украинки пришли старушки, которые аплодировали ему семнадцать лет назад. Пришла диаспора — театр хоть и русскоязычный, да зато киевский. И, наконец, пришли обычные московские зрители — их, к счастью, было совсем немало.

Киевляне привезли в Москву чуть ли не весь свой репертуар — Островского, Шеридана, Джеймса, Зингера, Никколои... Там были очень красивые спектакли (спасибо спонсорам, не пожалевшим деньги на костюмы), были спектакли, точно пришедшиеся на аудиторию, собравшуюся в Малом театре. Старушки, сидевшие в зале, застав дышание следили за тем, как развивается действие спектакля Ирины Дука «Возвращение в Сорренто» (пьеса Альдо Никколои), где два жестоко обиженных детьми пенсионера пытаются начать новую жизнь. Пьеса трогательна, спектакль обстоятелен и добротен, актерски крепко и чуть провинциален... Московский зритель всегда немного сноб, от спектаклей, приехавших в столицу из бывших союзных республик, он ждет именно этого. «Тойбеле и ее демон», спектакль главного режиссера театра Михаила Резникова, подобные ожидания развеял.

Это жесткая, строгая, точно выстроенная работа — спектакль развивается по нарастающей, и если в первом акте ты еще вне того, что происходит на сцене, то во втором не можешь от нее оторваться. Лавочница из маленького еврейского местечка полюбила демона. Демон оказался нищим помощником учителя — он обманом заставляет ее выйти за себя замуж, и попадает в жестокую переделку. Хитрец без ума от Тойбеле, а Тойбеле ни днем, ни ночью не узнает в нем своего демона — брак рушится, вслед за ним в клочья разлетаются их жизни... Спектакль динамичен, в нем есть актерская страсть (особенно хорош О.Треповский, играющий лжедмона Алхона). Маленький, забытый Богом и людьми поселок вдруг оказывается подмостками трагедии. Забитый и приниженный учитель врывается в жизнь бедной женщины с победоносным нетерпением самого настоящего дьявола, и та с ужасом понимает, что черт стал ей дороже всего...

Спектакль Михаила Резникова стал событием летнего театрального межсезонья — о том, как сегодня живет украинский театр, рассказывает он сам.

— Михаил Юрьевич, у русских театров в национальных республиках всегда была особая судьба — а Украина к тому же и республика особая... Не изменилось ли отношение к Театру Леси Украинки после того, как мы стали жить в разных странах?

— Нисколько не изменилось. Среди национально ориентированной интеллигенции некоторые считают нас чужими, но это ничего не определяет. Киевляне всегда любили русский драматический театр — это идет еще с тридцатых годов, от блестящих актеров Михаила Романова, Виктора Халатова, Юрия Лаврова,

которых город носил на руках... Нам грех жаловаться на публику, нас поддерживает правительство — проблемы лежат внутри коллектива. У Театра Леси Украинки своя трагедия — за тридцать пять лет в нем поменялось двенадцать главных режиссеров. Трупной в последнее время никто не занимался, театр пришлось поднимать заново.

— Кто заполняет ваш зал?

— Студенты. Бюджетники. Интеллигенты... Молодых людей среди них гораздо больше, чем на московских спектаклях.

— После девяносто первого года московские театры на какое-то время опустели. На Украине произошло что-то подобное?

— Нет, у нас все время была публика. Но от сцены ему стало нужно другое — раньше он шел в театр, для того чтобы получить хоть гомеопатическую дозу правды, теперь ему надо поплакать или посмеяться. В Киеве очень эмоциональный зритель. На Западе люди смотрят спектакли затем, чтобы над ними подумать, а мы люди более простые, мы воспринимаем их не умом, а сердцем...

— Украинский театр был теснейшим образом связан с русским. Что произошло, когда эти связи оборвались?

— Тридцать пять лет назад, когда я впервые пришел в наш театр, там работал старый суфлер Яков Бруштейн. Он сказал мне, молодому режиссеру, что после кампании по борьбе с космополитизмом в Киеве исчезла камерная музыка и театральная критика. После того как мы оказались отрезаны от Москвы, дела стали обстоять еще хуже. На Украине очень большие проблемы с театральной критикой, театральным образованием, в Киеве немного людей, которые разбираются в театре... Профессиональное общение чрезвычайно важно для людей театра, а мы его лишены. Из-за этого мы и приехали в Москву — нам важно ощутить другого зрителя.

— В свое время Театр Леси Украинки находился под сильным влиянием не самых лучших сторон украинской сцены. Красота, как известно, спасет мир, но от красотостей портятся зубы...

— Для меня украинский театр — это великий актер Амвросий Бучма, замечательный мастер Дмитрий Милитенко. В Театре Ивана Франко блестяще работали ученики Курбаса. Есть, конечно, и хуторянщина, но украинская культура с ней борется. И одерживает победы — Богдан Ступка, на мой взгляд, артист высочайшего, мирового класса... Дело в другом.

Целое поколение украинских актеров, те, кому сейчас за сорок, прошло мимо драматургии Рошина, Вампилова, Розова, даже Арбузова! Это не их вина — украинская цензура была самой жестокой в СССР. Но к встрече с современной драматургией это поколение попросту не готово. Вот это надо преодолевать — и нам, и нашим коллегам. Чехов говорил, что театр должен потрясать, а по отношению ко всем нам это верно далеко не всегда. Зато спектакли Театра имени Леси Украинки интересны простому человеку. И это тоже важно — сегодня нужен демократический театр, «театр для людей», который будет востребован самым разным зрителем, а не только десятком театральных обозревателей.